

Праситуация «преодоление» в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова Травова Наталья Васильевна

Аспирантка Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия

При последовательном рассмотрении «колымской эпопеи» В. Шаламова становится очевидным наличие особой праситуации «преодоление», развертывание которой организует большинство рассказов автора. Например, действие рассказа «Ночью» обусловлено праситуацией «преодоление голода», ведь Глебов и Багрецов предприняли свою «вылазку» с откапыванием мертвеца именно потому, что «завтра они продадут белье, променяют на хлеб, может быть, даже достанут немного табаку...» [Шаламов I: 15], а следующий за ним рассказ «Плотники», повествующий о том, на какие ухищрения идет заключенный, чтобы хотя бы несколько спасительных дней погреться у печки, реализует праситуацию «преодоление холода» и т. д.

В центре внимания Шаламова человек, теряющий все свои человеческие качества, чувства: «Все человеческие чувства – любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность – ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания» [Шаламов I: 35].

Эта потеря чувств (как и сама праситуация «преодоление») непосредственно соотносится с теорией А. Маслоу о первичных и вторичных потребностях и об их роли в мотивации личности. «Если человеку нечего есть и если ему при этом не хватает любви и уважения, то все-таки в первую очередь он будет стремиться утолить свой физический голод, а не эмоциональный. <...> В такой ситуации организм все свои силы и возможности направляет на утоление голода; структура и взаимодействие возможностей организма определяются одной-единственной целью. Его рецепторы и эффекторы, его ум, память, привычки – все превращается в инструмент утоления голода. Те способности организма, которые не приближают его к желанной цели, до поры дремлют или отмирают» [Маслоу: 79]. Ср.: «От голода наша зависть была тупа и бессильна, как каждое из наших чувств» [Шаламов I: 69].

В «Колымских рассказах» В. Шаламова мы можем увидеть также преодоление пространства и времени, жизни и смерти. «Затраченная на преодоление пространства работа может быть различна и потому – различно измеряема. Это может быть механическая работа, или тот или иной физический процесс, или, наконец, какой-либо вид психофизической работы. И измерять ее мы можем в одних случаях физическими приборами, в других – непосредственным чувством затраченных усилий, т. е. – усталости», – пишет Павел Флоренский [Флоренский: 86].

Показательно, что «пространство и время на Крайнем Севере – величины схожие. Часто пространство меряют временем – так делают кочевые якуты – от сопки до сопки шесть переходов. Все, живущие около главной артерии, шоссе, дороги, измеряют расстояние перегонами автомашины» [Шаламов II: 42].

Шаламов определяет лагерный мир, лагерную жизнь как ад, и «в этом аду только урки живут сравнительно хорошо» [Шаламов I: 147]. Согласно христианскому учению, ад – это подземное место наказания грешников. Но в лагерях сидело много безвинно наказанных людей, поэтому назвать лагерный мир адом как таковым мы не можем. Но лагерь и ад могут отождествляться автором по концентрации в них зла. Как нам кажется, слово «ад» употребляется Шаламовым в первоначальном своем значении, которое своими корнями уходит в древнегреческую мифологию и Ветхий Завет, и обозначает посмертное состояние души. Шаламов рисует мир, в котором при жизни люди становятся мертвецами: «Андреев был представителем мертвецов. И его знания, знания мертвого человека, не могли им, еще живым, пригодиться» [Шаламов I: 166], а мертвецы обретают нетленность живого человека: «...их трупы будут нетленны всегда – мертвецы вечной мерзлоты» [Шаламов I: 154].

Как указывал сам автор, в его произведении изображены люди, близкие к состоянию за-человечности. В. Шаламов описывает лагерный мир, в котором люди ни живы, ни мертвы, по отношению к которым наиболее подходящая характеристика выражается в тексте приставкой «полу-». Это полулюди / полуживотные,

полуживые / полумертвые, полунормальные / полусумасшедшие. И даже с возвращением сил, к ним возвращается лишь полусознание: «Не жизнью была смерть замещена, а полусознанием, существованием, которому нет формул и которое не может называться жизнью» [Шаламов I: 358]. Это люди «на грани» человеческого и звериного, жизни и смерти. И лагерный мир, их породивший, это тоже мир «на грани», «на рубеже»: «на Дальнем Севере, на рубеже смерти и жизни» [Шаламов I: 231], «доходяги просто перешли границы добра и зла, тепла и холода» [Шаламов II: 293].

Таким образом, мир Колымы – запредельный мир, «вне-бытие», в котором преодолеть – значит выжить («мы с вами не то что по ту сторону добра и зла, а вне всего человеческого» [Шаламов I: 434]). И этот мир является порождением другого мира, он своего рода «выкидыш» реально-исторического времени, его отображение, но не зеркальное, а как бы преломленное через линзу.

«Здесь не только, и не просто мертвое пространство, огражденное колючей проволокой, или стенами барака, или ветками в тайге, - пространство, в которое попали некие обреченные, но за пределами которого люди более удачливые живут по другим законам. В том-то и чудовищная правда, что все, что кажется существующим за пределами этого пространства, на самом-то деле вовлечено, втянуто в ту же бездну» [Тимофеев: 188].

Литература

Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб., 1999.

Тимофеев Л.М. Поэтика лагерной прозы. Первое чтение «Колымских рассказов» В. Шаламова // Октябрь. 1991. № 3. С. 182–196.

Флоренский П.А. Анализ пространственности <и времени> в художественно-образительных произведениях // Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 79–258.

Шаламов Варлам. Собрание сочинений: В 4-х томах. М., 1998.